

ФИЛОСОФИЯ*(специальность: 09.00.11)*

УДК 101

С.И. Пелевин*Армавирский государственный**педагогический университет**г. Армавир, Россия*

pelevin17@gmail.com

**ОСОБЕННОСТИ И РИСКИ РЕАЛИЗАЦИИ
СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ МОДЕРНА****[Sergey I. Pelevin Features and risks
of the social technologies implementation of Modernity]**

The role of technology in the development of capitalist society is examined. Particular attention is paid to social technologies and the processes of technologicalization of social practices. The development of technology contributes to the emergence of new channels of communication between subjects and the genesis of new social institutions as forms of interaction between subjects of society in the fields of various social practices. When analyzing the society of early capitalism, the author explores Modern as a project for the reconstruction of society, within the framework of which certain social technologies are implemented. Modernity as a project in socio-economic and political aspects was focused not only on the capitalization of relations in European society and on its industrial and technological breakthrough, but also on the external expansion of the system, which took the form of colonization. Colonization ultimately led in the XX century to the depletion of human resources of the metropolis, and nowadays – to the growth of migration from the former colonies, as well as to the risk of extremist sentiments and terrorist activities among migrants, most often at the lower stages of the stratification systems of western societies.

Key words: society, technologization, social technologies, modern society, social design, modernization, colonization, neocolonialism.

Описание образа, окружающего нас общества в терминах современного социально-гуманитарного звания, является довольно проблематичной задачей. С одной стороны, это обусловлено тем, что в силу темпоральной калейдоскопичности общественных процессов, разнообразия современного социального ландшафта и многочисленности социальных фактов весьма сложно подобрать среди массива современных обществоведческих схем, концепций и теорий те, которые скрупулезно, достаточно точно описывали бы и рассматривали бы жизнь общества во всех ее противоре-

чиях и парадоксах. С другой стороны, сложность релевантного описания картины современного общества связана с процессами расширения социального пространства, с ростом увеличения разнообразия социальных практик и стилей жизни субъектов, с разрастанием числа социальных институтов и их диверсификацией, а также с появлением новых промышленных и социальных технологий [7].

Под социальными технологиями следует понимать целостность приемов, разного рода методов и воздействий, используемых в рамках социальных практик для достижения поставленных целей в процессе общественного проектирования и развития, для решения определенных проблем, стоящих перед обществом и отдельными социальными группами, для перспективного планирования и реализации ситуаций интеракций между социальными субъектами, в результате которых меняются мировоззренческие позиции и ценностные ориентиры индивидов, а также изменяется культурная, политическая или же социальная структура общества. Социальные технологии можно также рассматривать как реализация алгоритма действий в рамках коммуникативных практик, в рамках которых определенные социальные субъекты – индивиды, группы и общности, участвующие во взаимодействии, пытаются реализовать собственную управленческую стратегию по отношению к другим субъектам, в определенном смысле, конструируя и конституируя социальную действительность. Особую значимость социальные технологии получают в условиях современности.

При этом понятие «современность» имеет не только темпоральные референции и ориентацию непосредственно на насущную социально-политическую, экономическую и социокультурную ситуацию в обществе наших дней. Использование понятия «современность» в социально-философском контексте заставляет нас обращаться к анализу определенных укладов жизни и к рассмотрению стилей деятельности людей, постепенно проявляющихся в социальной структуре Европы, начиная с XVI в. Это была эпоха Великих географических открытий и время зарождения европейских колониальных империй. Уже в XVII в., несмотря на царившие политические феодальные порядки, эти уклады жизни и стили деятельности субъектов фактически стали разрастаться и укрепляться в различных социальных практиках. Иными словами, в Европе в социально-экономической сфере

наметился переход от натурального типа хозяйствования к индустриальному: центральной фигурой общества все еще оставался рыцарь, но за его спиной стал настойчиво маячить буржуа.

В XVII в. начинали набирать обороты процессы роста национального самосознания и создания суверенных национальных государств, а также секуляризации преимущественно в аспекте освобождения общественной жизни от политического диктата церкви. Легитимация этих процессов явственно обозначалась уже после кровопролитной Тридцатилетней войны между католическим и протестантским сообществами в Священной Римской Империи и в соседних странах при заключении Вестфальского мирного договора в 1648 г. Вестфальский мир фактически знаменовал создание политической системы международных отношений, в основе которых лег принцип суверенитета государств-наций. В дальнейшем нарастали процессы утверждения капиталистических отношений, индустриализации производства и сопутствующей урбанизации, в результате чего происходило становление нового типа социальности, ориентированной на буржуазный индивидуализм [4]. Процесс генезиса нового социального уклада и общества нового типа имел черты проектированного и ориентированного развития. Модерн, по мнению Юргена Хабермаса, следует рассматривать не только как определенную социокультурную эпоху, но и как проект переустройства общества, в рамках которого реализуются определенные социальные технологии [10]. Рассматривая проективные характеристики эпохи Модерна, прежде всего, следует обратить внимание на такие его особенности как технологизацию социальной практики и модернизацию производства, в совокупности с относительно ускоренной модернизацией социально-институциональной системы. Заметим, что модернизация шла ускоренно путем совершения революций, которые ломали не только политическую систему территорий и локальных сообществ, объединенных под властью какой-либо королевской династии или феодального дома. Благодаря буржуазным, революциям правовым и политическими путями закрепляли новый уклад производственно-экономических отношений.

Модернизация, связанная с технологизацией различных социальных практик, представляет собой одну из самых характерных черт новой эпохи [8]. При этом осовременивание отношений под выстраивание различных социальных институтов вровень с требованиями индустриализированного

общества делало необходимым привлечение огромных активов и ресурсов преимущественно в производственно-экономической сфере жизнедеятельности социума, а также в коммуникационном пространстве культуры [1]. Основанием, базисом развития этих ресурсов в социокультурной сфере явился протестантизм, проявившийся чуть раньше развития индустриального производства. Действительно, как показал Макс Вебер в своем классическом труде, становление капиталистических отношений подпитывалось трудовой этикой протестантизма как версии христианства, ориентировавшей человека на отсутствие в жизни личностного выбора и изначального божественного предопределения его судьбы [2]. Особая этика труда и рассмотрение богатства как финансового актива производства, безусловно, не только способствовали появлению, но также интенсивному и широкому применению различных технологий и технических средств. В свою очередь, это быстро, с экспоненциальной скоростью изменяло социальную действительность. При этом уже в наши дни развитие технологий, безусловно, и качественно, и количественно способствует появлению новых каналов взаимодействия между субъектами и новых социальных институтов как форм устоявшегося взаимодействия субъектов общества в полях различных социальных практик, все больше превращая социум в *complexity society* – в сложностное общество [3].

Однако хорошо известно, что чем более сложным является механизм, что чем большее количество элементов в каком-либо агрегате или в техническом узле, тем больше возрастает вероятность поломки или технологического отказа. То есть усложнение системы приводит к возрастанию рисков при ее функционировании и развитии и, возможно, вообще к появлению угроз ее существованию. В этом ключе можно вспомнить об европейских колониальных империях как сложных социально-экономических и политических системах. Во время их зарождения и становления на заре эпохи Модерн, колонизация далеких земель не только способствовала развитию всемирной торговли и появлению новых рынков сбыта продукции фабрик и заводов растущей индустриальной экономики. Колонизация не только способствовала втягиванию в сферу торговых отношений различных стран, но также создавала предпосылки к знакомству с их культурой и традициями, потенциально расширяя поля социальных практик.

Несмотря на социокультурные особенности различных коммуникативных практик эпохи Модерна, создавалась уникальная в истории ситуация разви-

тия европейской цивилизации как доминирующей над другими цивилизациями в экономическом и политическом планах. В этой связи, следует говорить о зарождении с очевидностью такого течения как европоцентризм в истории. Безусловно, несмотря на уникальность иных культур и цивилизаций, европейская цивилизация (трансформировавшая потом в цивилизацию западную) оказала огромное влияние на мировое социокультурное развитие (в основном путем распространения христианства, его ценностей и ориентиров). Рассмотрение исторического процесса развития человечества как развивающегося по трекам европейской цивилизации, несмотря на определенную специфику данного процесса, является, в определенном смысле, справедливой. Действительно, наличие в определенных социальных сферах средств и технологий позволили Европе вырваться вперед в политическом, экономическом и социокультурных аспектах развития. То есть широкое применение технических средств и инновационных стало именно тем ресурсом, который позволил Европе доминировать фактически на протяжении всей эпохи Модерна. Это продолжалось довольно длительный период, вплоть до наших дней [11].

Планомерно проводимая с XVI в. европейскими державами колонизация привела к лавинообразному нарастанию числа новых подданных имперских корон и, как следствие, к увеличению податей и поступающих налогов, а то и к откровенному грабежу поработенных народов, как это было, например, с культурными и материальными ценностями индейцев, в частности инков и ацтеков. При этом эти богатства не помогли полноценному социально-экономическому развитию испанского общества, так как в условиях позднего феодализма они рассматривались преимущественно как источник роскошной жизни элиты. Наоборот, английские колонизаторы, не брезговавшие пиратством даже на государственном уровне (пират Дрейк стал адмиралом и рыцарем), рассматривали полученные богатства в основном как капитал, то есть как доход, используемый для развития нарождающегося производства [9]. То есть при капитализме добывание денег, по словам М. Вебера, «отрывается от растраты». Здесь мы видим разницу в социально-экономических технологиях развития Англии и Испании как колониальных государств, которые стали заметны уже в начале XIX в. [6]. Оккупация Испании наполеоновской Францией лишь усугубило положение первой как колониальной державы.

Также очень важной особенностью процесса колонизации явилось то, что во многих европейских государствах и сообществах до определенного приемлемого уровня снизилось то, что Л.Н. Гумилев в свое время назвал «пассионарностью» [5]: практически все авантюристы, криминальные элементы и прочие «джентльмены удачи» ринулись на поимки сокровищ в открытые колониально осваиваемые земли. Уже позднее в колонии начали ссылать преступников и вытеснять религиозно чуждые для общества элементы (например, в Англии такая политика проводилась по отношению к пуританам-кальвинистам). Однако это полностью не привело к разрешению политических, экономических и, самое главное, социальных противоречий между сословиями, что позднее послужило одной из причин буржуазных революций в Нидерландах, в Англии, и, наконец, пожалуй, к самой драматичной, во Франции. Вместе с тем, колонии пытались освободиться от гнета монополий. Но американская революция, война за независимость и образование США, а также национально-освободительная борьба в Латинской Америке были только первыми тревожными звонками для системы колониализма. Хотя уже в конце XIX в. и в начале XX в. практически вся территория Земного шара, за редким исключением, была поделена на колонии и сферы влияния, мощь европейских колониальных империй, как показали итоги Первой и особенно Второй мировых войн, не была такая уж незыблемой. Более того, стало очевидным, что если на первых этапах своего развития колониальной системы политика государств и устремления властвующих элит способствовали увеличению социально-экономического потенциала метрополий, то впоследствии в метрополиях нарастали проблемы. В первую очередь, это происходило в силу того, что полноценное освоение колоний требовало различных ресурсов, включая ресурсы человеческие [13]. То есть метрополии постепенно лишались человеческого капитала, столь важного для интенсивного, а не для экстенсивного развития обществ. В условиях демографического роста метрополий тенденция исчерпания человеческого капитала были не столь заметны.

Уже в первой половине XX в. эта тенденция стала появляться все более отчетливо. Например, во Франции перед Второй мировой войной даже с учетом первой волны русской эмиграции наметился со всей очевидностью демографический кризис: если в 1930 г. там жили 41 340 000 человек, то в 1940 г. население сократилось более чем на полмиллиона и составило – 40 690 000 чело-

век. Можно было бы заявить, что данный процесс является результатом Второй мировой войны, но в соседней Германии, лишившейся колоний после Первой мировой войны, за это же десятилетие население значительно увеличилось с 65 130 000 до 69 838 000 человек (без учета аншлюса Австрии, но с учетом произошедшей эмиграции из страны из-за прихода к власти нацистов).

Казалось, что «бэби-бум», последовавший после Второй мировой войны, не только нивелирует последствие мировой бойни, но и позволит нарастить человеческие ресурсы. Но тут в течение двух-трех десятилетий пали британская и французская колониальные системы. Последняя колониальная система – португальская – фактически прекратила свое существование в 1974 г. в результате Революции Гвоздик, дав независимость ряду стран Африки, боровшихся за свою свободу. Конечно, политический распад колониальных систем привел к независимости в XX в. многих стран Африки и Азии, но фактически многие из них находятся под влиянием социально-экономической политики, проводимой элитами этих государств, международными организациями (МВФ) и крупными транснациональными корпорациями. Это позволило исследователям левого толка говорить о новой колониальной эпохе – эпохе неокOLONIALИЗМА, когда за фасадом независимости государств прослеживаются процессы построения и функционирования новой зависимости заморских территорий. Отметим, что в XX в. не появилось такое социокультурное течение как коллективизм и не произошла деколонизация отношений в политической экономической сфере. Тем не менее, глобализм со всей очевидностью поставил вопрос о развитии колониализма в новом ракурсе и фактически свел многие либеральные ориентиры и великие демократические начинания, в том числе в европейской социокультурной среде, на нет. Вполне очевидно, что дальнейшее доминирование западного мира в рамках глобальной цивилизации стали одним из источников появления различных альтернативных Модерну проектов, но происходило это уже на стадии заката Модерна в эпоху постмодернистского рассвета.

В этой связи можно указать на то, что рост националистических, сепаратистских и иных радикально ориентированных мировоззрений, по всей видимости, связан с реакцией на развитие и доминирование модернистского проекта в условиях формирования глобальной политико-экономической системы в интересах развитых стран. Фактически в настоящее время происхо-

дит развитие моделей и технологических схем Модерна. Это происходит даже несмотря на то, что Модерн как проект переустройства мира по западному образцу официально сейчас отрицается многими политическими деятелями. Связано это с тем, что Модерн представляет собой (в глазах других народов, проживающих вне пределов современного Западного мира) проект, который является главным базисом развития и функционирования колониальных отношений как в прошлом, настоящем, так и в будущем. В этом ключе процессы политической и экономической глобализации также представляются не западными народами как основание для развития и функционирования современной неоколониальной системы. Заметим, что глобализация привела к нарастанию рискогенных факторов развития в результате ослабления роли национального суверенитета в мировой политике (что, напомним, было заложено еще Вестфальской системой в эпоху раннего Модерна), когда политические действия стран, которые понимались как манифестация воли наций и граждан их составляющих, сменились согласованными содействиями государств-союзников и межгосударственных организаций, причем действия эти фактически не поддаются контролю со стороны гражданских структур и институтов. Безусловно, эти процессы глобализации происходят на фоне активного сопротивления национальных элит новых государств и желания ими преодолеть колониальное прошлое своих народов.

Однако обратной стороной колониального наследия для метрополий стал приток мигрантов из бывших колониальных стран. Этот процесс облегчается тем, что во многих из этих государств, являющихся многонациональными, одним из официальных языков является язык бывших колонизаторов. В результате, например, в Британии появилось значительное число мигрантов из Пакистана, Бангладеш и Индии, а во Франции проживает значительное число выходцев из бывших стран французской Африки. В Германии самой многочисленной является турецкая диаспора в силу того, что Османская империя, а затем и Турецкая республика традиционно входила в сферу германского политического влияния и социокультурного взаимодействия. К миграции из бывших колоний прибавилось появление в Европе беженцев из политических проблемных регионов и стран мира, таких, например, как Афганистан, Ирак и Сирия. Этим беженцев привлекла социально-экономическая стабильность европейских сообществ и либеральная полити-

ка толерантности, прежде всего толерантности к этнокультурным и религиозным различиям. При этом многочисленные беженцы появились не только в бывших метрополиях, но и в таких, например, странах как Швеция и Норвегия, вообще никогда не имевших колонии.

С одной стороны, появление новой рабочей силы потенциально способно оживить демографическую ситуацию в стареющей Европе. Однако, с другой стороны, в такой ситуации значительно обостряются не только риски социально-экономического и этно-национального развития как для граждан, родившихся в пределах страны, так и для мигрантов, приехавших в поисках лучшей доли для себя и своих детей. Столкновение образов жизни и мировоззренческих позиций представителей различных социальных групп, конфессий, этно-национальных общностей потенциально может способствовать росту экстремизма и терроризма. Неустойчивость демографической ситуации, по замечанию ряда исследователей, может привести к тому, что через тридцать лет в помещениях всех нынешних христианских церквей будут находиться мечети, причем такая практика уже становится не редкостью не только для Европы: она также уже дошла до Новой Зеландии.

Таким образом, общество Модерна немислимо без технологий, в том числе без социальных технологий. Оно развивалось как особый вид социальности – техногенное общество [12]. При этом Модерн как проект в социально-экономическом и политическом аспектах был ориентирован не только на реструктуризацию европейского общества и его индустриально-технологический прорыв, но и на внешнюю экспансию системы, принявшую форму колонизации. При этом использование социальных технологий колонизации для развития европейских сообществ и государств имело положительное значение для их развития. В одних случаях (Испанская империя, Португалия) практически сразу начинало тормозить социальную структуру по пути буржуазно-капиталистического развития. Но даже в случае довольно устойчивого развития колониальных империй происходило постепенное истощение человеческих ресурсов в метрополиях (Франция). В современной ситуации постколониальное прошлое стран, в определенном смысле, сыграло с ними злую шутку: если раньше колонизаторы разграбляли ресурсы захваченных стран, то теперь территорию и социокультурное пространство бывших метрополий довольно успешно осваивают народы, кото-

рые раньше находились в колониальной и политической зависимости. Конечно, в большинстве своем представители этих народов находятся на нижних ступенях стратификационной лестницы, но их дети (в силу наличия либеральных ориентиров и демократических установок) имеют шансы инкорпорироваться в общество. Реализовать эти шансы получится не у всех индивидов, в силу того что расовые, этнические, конфессиональные и гендерные противоречия в этих обществах преодолены не до конца. Очевидно, другая часть наследников мигрантов так и останутся в среде маргиналов. При высоком уровне рождаемости это будет детерминировать нарастание рисков социокультурного и этнокультурного развития стран и способствовать политической нестабильности, которая может привести к бывшим метрополиям, если не к национальным катастрофам, так к серьезным проблемам в будущем. Но именно таковы, видимо, одни из последствий реализации социальных технологий Модерна как проекта развития европейских сообществ.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Авдеев Е.А., Бакланов И.С., Бакланова О.А.* Социокультурная динамика современности: трансформация коммуникационного пространства культуры // *Современные проблемы науки и образования.* 2014. № 4.
2. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма. М., 2011.
3. *Гречко П.К.* Парадигмальная эвристика Complexity в современном социально-гуманитарном познании // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия.* 2012. № 1.
4. *Душина Т.В., Микеева О.А.* Принцип индивидуализма как методологическое основание исследования социальности. Ставрополь, 2009.
5. *Кравченко А.И.* Биосоциальная концепция пассионарности Л. Гумилева // *Социология.* 2019. № 6.
6. *Мамедов О.Ю., Туманян Ю.Р., Ищенко-Падукова О.А., Мовчан И.В.* Экономическая политика как система критических социальных технологий. Ростов-на-Дону – Таганрог: Южный федеральный университет, 2018.
7. *Пелевин С.И.* Современное общество в контексте технологических процессов: социально-философский анализ // *Kant.* 2019. № 1 (30).

8. *Пелевин С.И.* Технологизация общества как фактор социокультурной модернизации // *Logos et Praxis*. 2019. Т. 18. № 4.
9. *Туманян Ю.Р., Ищенко-Падукова О.А., Мовчан И.В.* Геоэкономика в системе междисциплинарных исследований // *Terra Economicus*. 2018. Т. 16. № 4.
10. *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций. М., 2008.
11. *Bufacchi Vittorio.* Colonialism, Injustice, and Arbitrariness // *Journal of Social Philosophy*. 2017. Vol. 48. No 2.
12. *Pelevin S.I., Taubaev B.D., Baklanov I.S.* Problem of Technogenic Society Dynamics under the Conditions of Contemporaneity // *International Journal of Civil Engineering and Technology*. 2018. Vol. 9. [No 11](#).
13. *Wietmarschen Han van.* The Colonized and the Wrong of Colonialism // *Thought: A Journal of Philosophy*. 2018. Vol. 7. No 3.

R E F E R E N C E S

1. *Avdeev E.A., Baklanov I.S., Baklanova O.A.* Sociocultural dynamics of modernity: the transformation of the communication space of culture // *Modern problems of science and education*. 2014. No. 4.
2. *Weber M.* Protestant ethics and the spirit of capitalism. М., 2011.
3. *Grechko P.K.* Paradigm heuristic of Complexity in modern social and humanitarian knowledge // *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy*. 2012. No. 1.
4. *Dushina T.V., Mikeyeva O.A.* The principle of individualism as a methodological basis for the study of sociality. Stavropol, 2009.
5. *Kravchenko A.I.* The biosocial concept of passionarity of L. Gumilyov // *Sociology*. 2019. No 6.
6. *Mamedov O.Yu., Tumanyan Yu. R., Ischenko-Padukova OA, Movchan I.V.* Economic policy as a system of critical social technologies. Rostov-on-Don - Taganrog: Southern Federal University, 2018.

7. *Pelevin S.I.* Modern society in the context of technological processes: socio-philosophical analysis // *Kant*. 2019.No 1 (30).
8. *Pelevin S.I.* Technologization of society as a factor in sociocultural modernization // *Logos et Praxis*. 2019. Vol. 18. No. 4.
9. *Tumanyan Yu.R., Ischenko-Padukova O.A, Movchan I.V.* Geoeconomics in the system of interdisciplinary research // *Terra Economicus*. 2018.Vol. 16. No. 4.
10. *Habermas J.* Philosophical discourse on modernism. Twelve lectures. M., 2008.
11. *Bufacchi Vittorio.* Colonialism, Injustice, and Arbitrariness // *Journal of Social Philosophy*. 2017. Vol. 48. No 2.
12. *Pelevin S. I., Taubaev B.D., Baklanov I.S.* Problem of Technogenic Society Dynamics under the Conditions of Contemporaneity // *International Journal of Civil Engineering and Technology*. 2018. Vol. 9. No 11.
13. *Wietmarschen Han van.* The Colonized and the Wrong of Colonialism // *Thought: A Journal of Philosophy*. 2018. Vol. 7. No 3.

---

13 мая 2020 г.